Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Слава и гордость Турции, гроза и ужас Южной и Юго-Восточной Европы Сулейман II (правильнее – первый) принадлежит к числу тех властителей-исполинов, явление которых на земле можно уподобить явлению кометы или страшного метеора на небе. Эта личность умещает в себе самые противоречивые качества и пороки, соединяя обширный образованный ум с пылкими, необузданными, животными страстями, великодушие с бесчеловечием, непреклонную волю с ребяческой уступчивостью, подозрительность с доверчивостью, коварство с прямотой.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1

Кондратий Петрович Биркин
Сулейман II

Роксолана (1532–1557)

Слава и гордость Турции, гроза и ужас Южной и Юго-Восточной Европы Сулейман II (правильнее – первый)[1] принадлежит к числу тех властителей-исполинов, явление которых на земле можно уподобить явлению кометы или страшного метеора на небе. Эта личность умещает в себе самые противоречивые качества и пороки, соединяя обширный образованный ум с пылкими, необузданными, животными страстями, великодушие с бесчеловечием, непреклонную волю с ребяческой уступчивостью, подозрительность с доверчивостью, коварство с прямотой. Некоторыми чертами характера, особенно же казнью сына, Сулейман напоминает нашего великого Петра, и для Турции он был действительно тем же, чем Петр для России, с той однако же существенной разницей, что в жестокосердии далеко оставляет за собой нашего преобразователя. Петр – *альфа* русской славы; Сулейман – *омега* славы турецкой: при нем луна оттоманская светила в полном блеске и затем стала клониться к ущербу, в недалеком будущем угрожающему ей окончательным затмением.

Австрия, Венгрия, славянские земли, Молдавия, Валахия, Польша, Венецианская республика, Архипелаг, Родос, Южная Италия, Алжир, Египет, Персия, Грузия трепетали перед Сулейманом; сотни городов и крепостей были обращены им в пепел и развалины, сотни тысяч людей были принесены им в жертву его ярости или непомерному честолюбию… И этот самый исполин, герой, чудовище был игрушкой женщины, в течение двадцати пяти лет делавшей из Сулеймана все, что ей было угодно.

Бусбек, австрийский посланник при Высокой Порте, первый в своих записках ознакомил Европу с личностью султанши Роксоланы, из простой рабыни достигшей звания законной супруги Сулеймана благодаря своей красоте, уму и лукавству. Следующий наш рассказ о жизни этой замечательной женщины мы основываем на самых достоверных данных, так как многие сказания о ней частью несправедливы, частью же и вымышлены. Обманываясь созвучием имен – собственного и нарицательного, некоторые историки видят в Роксолане *русскую,* так как *роксоланами* называли в Западной Европе славян, живших по прибрежьям Дона; другие, преимущественно французы,

основываясь на комедии Фавара «Три султанши», утверждают, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана – природная турчанка – была куплена для гарема еще девочкой на невольничьем базаре для прислуги одалискам, при которых и занимала должность простой рабыни. При воцарении Сулейма-на султаншей-валиде была грузинка Босфорона, родившая ему наследника Мустафу; за Босфороной, любимицей султана, была Зулема, которую он и променял на Роксолану, очаровавшую его молодостью, красотой и пламенными ласками. В первые пять лет своего сожительства с Роксоланой Сулейман имел от нее сыновей Магомета, Баязета, Селима и Джехангира и дочь Хамерие. Семейство еще более привязало султана к любимице, и тогда-то Роксолана приступила к осуществлению хитрого замысла – посадить на престол оттоманский вместо Мустафы сына своего Баязета, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти старшего его брата, скончавшегося в юных летах. Интригу свою Роксолана вела с тем умом и тактом, которые могут быть свойственны женщине, твердо уверенной в своем всемогуществе над мужчиной. Выдав четырнадцатилетнюю дочь свою Хамерие за великого визиря Рустама-пашу, Роксолана без труда привлекла его на свою сторону и приобрела в нем самого верного клеврета и сподвижника. Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, бывшего в походе в Венгрии, Роксолана, призвав к себе муфтия, стала совещаться с ним о своем намерении построить великолепную мечеть с богадельней (имаретом) ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобряя благое намерение, заметил любимице султана, что постройка мечети не может послужить ей во спасение души, так как по закону всякое доброе деяние *рабыни* вменяется в заслугу ее *повелителю* и что только свободная женщина властна в своих поступках. Роксолана очень хорошо знала о существовании этого закона; тем не менее она выказала глубокое огорчение и в течение нескольких дней была грустна и задумчива. Сулейман по возвращении своем в Константинополь не узнал в Роксолане прежней веселой, страстной красавицы. Равнодушный к недавнему зрелищу проливаемой крови, глухой к мольбам матерей и жен и воплям истязаемых младенцев, Сулейман был тронут слезами и воздыханиями своей Роксоланы и не хуже нежного юноши стал приступать к ней с расспросами о причине ее грусти.

– Причина моей тоски, – отвечала фаворитка, – сознание рабства и лишения прав человеческих!

Сулейман, за улыбку Роксоланы способный поработить целое царство или, наоборот, освободить из-под своего ига тысячи

невольников, объявил ей тотчас же, что слагает с нее позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Прежняя улыбка явилась на лице Роксоланы, и, с небывалой нежностью осыпав поцелуями руку повелителя, она быстро удалилась в свои покои. Настала ночь. Евнух, присланный к Роксолане с приглашением в опочивальню повелителя правоверных, принес нерешительный отказ. Разгневанный Сулейман вытребовал однако же ослушницу на свою половину и спросил, что значит это неповиновение?

– Оно означает мою покорность велениям Аллаха! – отвечала Роксолана. – Раба исполняет приказания господина, но женщина свободная грешит, разделяя ложе не с законным мужем… Ты ли, высокий образец для всех правоверных, нарушишь заповедь пророка?

Сулейман призадумался, послал за муфтием, и тот вполне одобрил действия Роксоланы, подтвердив, что они согласны с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой своего государя с предоставлением ей всех прав и преимуществ султанши. Так достигла Роксолана той высоты, с которой ей легче прежнего было властвовать над Оттоманской империей в лице султана. Суеверы всех стран говорят о возможности будто бы приколдовывать к себе человека приворотными зельями да корешками. Читая о Роксолане, можно не шутя подумать, что она «обнесла» чем-нибудь Сулеймана – такими несокрушимыми цепями приковав к себе его сердце. Ему в то время было за шестьдесят лет, Роксолане – под сорок. Как бы ни были кипучи его страсти, они, во всяком случае, не могли равняться со страстями юноши, который, слушаясь их голоса, всегда глух к возражениям рассудка, иногда и совести; как бы ни была хороша собой Роксолана, но едва ли в сорок лет она, южанка, могла сохранить себя от влияния беспощадного времени. Что же могло привязывать к ней Сулеймана? Перебирая все возможные узы, останавливаемся на могущественнейших, сплетаемых *привычкой,* так справедливо называемой второй натурой, – привычкой, сменяющей в старческом сердце любовь, как плод на дереве сменяет цветок. И кто из нас в своей жизни не испытывал или не испытывает на себе самом силы привычки; да и что, наконец, вся жизнь человека, если не привычка души к ее хрупкой оболочке? Семейство Сулеймана, при его законном сочетании супружеством с Рок-соланой состояло из сына Босфороны, Мустафы, наследника престола, трех сыновей Роксоланы и ее дочери, жены великого визиря. Мустафа, занимавший должность правителя Сирии, жил в Диарбекире, обожаемый народом и войсками, неизменно покорный воле своего родителя и государя. Сулейман любил его,

всегда отдавая должную справедливость его высоким душевным качествам. Погубить Мустафу во мнении отца было делом почти невозможным… только не для Роксоланы.

Отправив сына своего Джехангира в Диарбекир, где он сошелся и подружился с Мустафой, Роксолана принялась восторженно восхвалять своему супругу добродетели его наследника именно тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце возбуждают зависть и ревнивые опасения. Она говорила, например, что народ ждет не дождется дня, когда обожаемый им Мустафа взойдет на отцовский престол, что войска готовы пролить за него последнюю каплю крови, что даже соседние управляемой им области персы не нахвалятся им и способны отстаивать его в случае надобности, как родного государя. После всех этих прелюдий Роксолана вспоминала, как горько было султану Баязету II, когда против него взбунтовался Селим, отец Сулеймана, но что кроткий и благородный Мустафа, конечно, на это не способен…

Разжигая этими речами в сердце отца ненависть и подозрительность к сыну, Роксолана приказала зятю своему уведомить пашей, подвластных Мустафе, чтобы они сколь возможно чаще извещали Сулеймана о его добрых делах и заботах о народе. Правители малоазиатских властей, повинуясь великому визирю, осыпали диван посланиями, переполненными похвалами наследнику Сулеймана. Эти послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда в нем особенно проявлялись опасения, чтобы сын не вздумал поднять знамени мятежа. «Как его единодушно все любят! – говорила при этом Роксолана. – Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы…»

И тут эта коварная женщина следила за действием яда своих речей на Сулеймана и видела, что каждое слово жгучей каплей впивалось в его сердце. С другой стороны, Баязет и Селим, принятые отцом ко двору, выказывали ему самую детскую покорность, осыпая его нежными ласками… Эти маневры, свойственные и европейским мачехам для отторжения пасынков от отцовского сердца, увенчались наконец полным успехом.

Волнения, возникавшие в Персии, заставили Сулеймана послать в соседние ей области обсервационный корпус под начальством Рустама-паши и с тайным приказанием последнему умертвить Мустафу в предупреждение его соучастия в мятеже. Зять Роксоланы по прибытии на место отписал султану, что в Сирии настроение умов самое враждебное, что не только все

паши, народ и войска намерены провозгласить Мустафу султаном турецким, но даже в полках, подначальных ему, Рустаму, заметно опасное волнение. Усмирить грозящее восстание, по мнению доносчика, мог только сам Сулейман. Прибыв немедленно в Алеппо с войсками и расположась с ними в лагере, султан потребовал мнимого мятежника к себе в шатер к ответу. Мустафа знал о происках Роксоланы, но, твердо уверенный в своей невиновности, с надеждой на отцовскую любовь отправился к Сулейману без всякой свиты и спокойно вошел в его пышный шатер, состоявший из двух отделений, разгороженных коврами. В передней части шатра вместо отца Мустафа нашел немых чаушей с шелковыми петлями в руках, приблизившихся к нему с несомненным намерением накинуть ему аркан на шею. Выхватив ятаган, Мустафа со всем отчаянием самосохранения несколько времени отмахивался от палачей и принудил их отступить; но в эту самую минуту ковер, отделявший приемную от опочивальни султана, быстро отдернулся, и в полутени показалась грозная фигура отца Мустафы. Не говоря ни слова, Сулейман только взглянул на оробевших чаушей, а с них медленно перенес свой взгляд на сына, покорно опустившего ятаган и склонившего голову… Пользуясь этим, чауши смело накинулись на него; один из метко брошенных арканов сжал горло несчастного Мустафы, его лицо побагровело, дыхание пресеклось, и через две минуты все было кончено. Детоубийца Сулейман перед отъездом в Алеппо получил от муфтия фетфу (разрешение) умертвить мятежника, без страха ответить за то на страшном судилище. Участи Мустафы подвергся в Бруссе и малолетний сын его; путь Баязету к престолу был очищен. Одновременно с убиением наследника Сулеймана умер и друг Мустафы Джехангир, сын Роксоланы; *от горя*– говорят романисты, *от яду* – гласит история. Кровавые эти события совершились летом 1553 года.

Труп Мустафы был выставлен у палатки Сулеймана для прощания с ним войск. Безмолвное уныние воцарилось в лагере; солдаты добровольно наложили на себя двухдневный пост и, благословляя память невинно убиенного, не осмеливались проклинать убийцу. Опасаясь бури, предвещаемой этим затишьем, Сулейман уволил Рустама-пашу от должности великого визиря и, назначив на его место любимого войсками Ахмета-пашу, возвратился в Константинополь. Эта мера не только не отклонила бунта, но еще более способствовала ему, хотя войска и не принимали в нем никакого участия. Та же любовь к убитому Муста-фе послужила Роксолане и Баязету орудием к мятежу, имевшему целью свержение Сулеймана с престола. Эта адская махинация заслуживает подробного исследования.

По наущению матери Баязет вскоре по убиении Мустафы приискал человека одних с ним лет и разительно на него похожего. Золотом и клятвенными увериениями в совершенной безопасности Баязет убедил двойника Мустафы выдать себя за убиенного, спасшегося будто бы от смерти. Весной 1554 года Никополис, прибрежья Дуная, Валахия и Молдавия были взволнованы вестью, что Мустафа жив, являлся многим, призывал их к восстанию и к свержению Сулеймана. Видевшие и слышавшие самозванца, обманутые сходством, передавали жителям городов и деревень, будто Мустафа, в прошлом году приглашенный отцом в Алеппо, не сам явился к нему, но вместо себя послал раба, как две капли воды на него похожего; сам же бежал из азиатской Турции в европейскую. Образовались шайки, вскоре слившиеся в целую армию. Самозванец, как говорила молва, намеревался идти прямо на Константинополь, захватить Сулей-мана и истребить вместе с ним Роксолану и все ее семейство. Ахмет-паша со своими войсками двинулся навстречу ополчению лже-Мустафы, рассеял его, самозванца же захватил в плен, чего никак не ожидали ни Баязет, ни Роксолана. Они рассчитывали на одно из двух: или самозванцу удастся овладеть Сулейманом, и тогда по убиении того и другого Баязет займет место отца, или двойник Мустафы, убитый в сражении, унесет тайну заговора в могилу, а Сулейман окончательно убедится в виновности сына, убитого по подозрению. Плен самозванца разрушил все эти ковы. Преданный истязаниям, самозванец чистосердечно сознался в обмане и указал на Баязета как главного виновника восстания. Лже-Мустафу по повелению Сулеймана утопили, а Баязет был позван к ответу. Ахмет-паша, ненавидевший и Роксолану, уличал изменника; чауши ждали знака султана, чтобы накинуть на Баязета позорную петлю… Но Сулейман медлил, смягчаемый мольбами и слезами Роксоланы, – и Баязет был помилован, и Роксолана не утратила в глазах своего супруга обаятельной своей прелести. Головой поплатился за свое усердие Ахмет-паша, удавленный через год по повелению Сулеймана за тайные сношения будто бы с рыцарями Иоанна Иерусалимского о сдаче им Родоса; на самом же деле оклеветанный Ахмет-паша был жертвой, принесенной султаном своей супруге.

С этой минуты Роксолана, не боясь ни врагов, ни соперников, смотрела на своего Баязета как на государя, может быть, в недалеком будущем, но так не думал ее сын Селим, завидовавший брату и изыскивавший все способы к его пагубе. Об этом соперничестве, погубившем Баязета, может быть, и не подозревала предусмотрительная и дальновидная Роксолана. Она

умерла в 1557 году, оплаканная неутешным Сулейманом, и была погребена с подобающими почестями. Счастливее Генриха VIII и Христиана II в своей слепой привязанности к женщине недостойной, Сулейман не разочаровался в ней ни при ее жизни, ни после ее смерти… Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах ее супруга?

Вражда Селима с Баязетом разрешилась кровавой усобицей 30 мая 1559 года. Сорок тысяч человек легло с обеих сторон при этом поединке двух братьев-честолюбцев. Баязет со всем своим семейством бежал в Персию, где его, по повелению Сулеймана, удавили или отравили ядом, и, таким образом, вместо Баязета сделался наследником престола Селим, на который он и взошел после смерти отца 23 августа 1566 года.

Не хотим утомлять внимание читателя рассказами о тех зверствах, которыми позорили себя и Сулеймана его войска в странах завоеванных: ни возраст, ни пол не защищали жертв от насилия и мучительной смерти. Доныне в славянских землях существует множество преданий о кровопролитии и истязаниях, которым Сулейман безжалостно подвергал сопротивлявшихся ему неприятелей, пленников и даже мирных горожан и поселян, уступавших ему без боя. Повторим то, что мы сказали во вступлении к нашему труду: в XVI веке в Европе был потоп, кровью человеческой заливший все царства – от устьев Шотландии до устьев Печоры; от Финмаркена до Кандии; от Северо-Западной Шотландии до берегов Каспийского моря. Войны, внешние и междоусобные, религиозные распри и ко всему этому частые моровые поветрия – такова была обстановка гражданского быта всех европейских государств, вконец не опустошенных однако же смертью потому, что ей противодействовала *любовь* – грубая, чувственная, чисто животная, доходившая до распутства; любовь, свирепствовавшая в виде нравственной эпидемии повсеместно… Но эта нравственная эпидемия спасала от эпидемий физических и от смерти, которую несли войны, междоусобицы или государи-тираны… Одно зло было противоядием другому, и упадок нравственности в Европе XVI столетия был, если можно так выразиться, едва ли не *необходимостью,* сохранявшей равновесие в цифре размножения рода человеческого.

notes

Примечания

1

Сулейман царствовал с 10 сентября 1520 по 23 августа 1566 года. Мы озаглавили наш рассказ годами владычества Роксоланы, биография которой составляет только эпизод из жизни страшного завоевателя.